

Глава 1

— Я медсестра.

Слова срываются с губ и падают прежде, чем я успеваю их сдержать, — будто пара громко бренчащих жестяных банок, привязанных к заднему бамперу. Если бы я могла поймать их за веревку и втянуть обратно, я бы так и сделала, но уже слишком поздно. Слова услышали — в мою сторону повернулись две головы.

Мне бы уйти. Или рассмеяться, сказать, что пошутила. Но когда папа и маленькая девочка смотрят на меня с парковой скамейки (его глаза сияют надеждой, ее — слезами), меня накрывает такая волна эмоций, что я не решаюсь ни на то ни на другое. Вместо этого я встаю на корточки рядом с девочкой и широко улыбаюсь — сначала ей, потом ему.

— Хорошо бы приложить лед, — говорю я мужчине голосом чистым и твердым, с легким оттенком авторитетности, который, как мне кажется, присущ людям из медицинской сферы.

Но дело в том, что я не медсестра. И никогда ею не была. Я просто лгунья.

Я слышала рыдания девочки с противоположной стороны игровой площадки, и меня привлек этот затяжной плач. Я всегда была любопытной. Я люблю подслу-

шивать разговоры незнакомцев, подходить поближе, чтобы подсмотреть из-за плеча, бросать взгляды на человека рядом со мной в метро и пытаться прочесть сообщение на чужом телефоне. Это еще одна моя дурная привычка. Можете записать в список моих грехов.

— Дай посмотрю, — говорил папа девочке, придерживая рукой голую ножку, когда я подходила. — Где она тебя ужалила? Здесь? Или здесь?

Мне захотелось помочь. Мужчина выглядел таким растерянным, таким выбитым из колеи, что, почти не думая, я открыла рот, и ложь тут же выпала наружу на тротуар с глухим стуком, который заставил их обоих вздрогнуть. Я хотела им добра, только добра. Но, с другой стороны, разве не благими намерениями вымощена дорога в ад?

Я окидываю взглядом их вещи. Рядом лишь бумажный пакет из-под ланча с рассыпанным по скамейке содержимым: полусъеденный сэндвич, уже побуревшие дольки яблока, брусочки моркови. Два напитка: банка газировки со вкусом грейпфрута и пакетик сока.

Я беру банку. Она не ледяная, но прохладная, может помочь.

— Держите, — говорю я, протягивая банку мужчине. На мгновение наши руки соприкасаются, и его пальцы оказываются на удивление мягкими. — Жало вынули?

Папа хмурится, глядя на ногу дочери. Та хнычет, но уже не так сильно. Девочка смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Все лицо в слезах. Из носа текут сопли. У нее кукольное личико с челкой и длинными ресницами — настоящая милашка. И он тоже, мягко говоря. Я до сих пор думаю о прикосновении его пальцев.

ЛОЖЬ ЗА ЛОЖЬЮ

— Вроде да, — отвечает он. — Посмотрите?

Искра гордости. Он мне доверяет. Ну конечно же, доверяет. Я хорошая лгунья — плюс, что удачно, на мне комплект медицинской одежды.

— Конечно, — говорю я с улыбкой.

Все еще стоя на корточках, я протягиваю руку и поднимаю маленькую розовую пяточку, испачканную землей. Девочке четыре или пять лет, ее ножка крошечная в моих чрезмерно больших руках. Они всегда были великоваты для женщины, еще с детства. «Ну и лапищи у тебя», — бывало, поддразнивала тетя, прикладывая свою ладонь к моей. Я до сих пор их стесняюсь: быстрожимаю руки, постоянно прячу в карманах или под бедра, когда сижу.

Прищурившись, я разглядываю подошву ее ножки. Я вижу небольшую красную опухлость, а в ее центре — черную точку. Жало. Я со свистом втягиваю воздух между зубами и качаю головой.

— Оно еще там.

Мужчина хмурится и приглядывается к ступне.

— И как его...

— Надо выскоблить. Банковской картой или чем-то с плоским краем. Только не давите — будет хуже.

Мне нравится, какой компетентной и знающей я кажусь. Можно подумать, я действительно разбираюсь в этом. Хотя, наверное, разбираюсь: в конце прошлого лета в этом же парке я и сама наступила на пчелу. Хотела прилечь почитать, расстелила одеяло и скинула обувь. Встала через некоторое время — кроссовки еще стояли в траве — и ощутила резкий укол. Ругаясь под нос, я села обратно, чтобы осмотреть рану. Увидела раздавленную пчелу и застрявшее в ноге жало. Я по-

пыталась осторожно сжать кожу и выдавить жало на поверхность. Уже позже, погуглив в слепой панике, я осознала ошибку.

К концу дня ступня почти удвоилась в размере, стала ярко-розовой и распухшей, как сосиска. Зуд прошел только через три дня, еще дня четыре потребовалось, чтобы опухоль полностью спала. Я театрально хромала всю неделю, рассказывая мою сагу любому, кто хотя бы бровью повел в мою сторону. По правде говоря, я, кажется, утверждала, что стала жертвой целого роя пчел, а не одной-единственной пчелы. В общем, суть в том, что *некоторый* опыт в этой области у меня есть.

Папа лезет в задний карман и достает бумажник.

— Спасибо, — благодарит он. — Если бы не вы, я бы, наверное, вызвал скорую.

Он улыбается, показывая, что пошутил. Зубы ослепительно-белые, ровные и прямые. Он красив очевидной, голливудской красотой, похож на кумира подростков. Ему, вероятно, лет тридцать с небольшим — моего возраста.

Он вынимает кредитную карту из кармашка бумажника.

— Покажи ножку, солнышко, — говорит он дочери.

Пока он водит кредиткой по стопе, я читаю имя на карте. Джей Локхарт. *Джей Локхарт.*

Мне нравится, как оно звучит, как сходит с языка, если произносить вслух. Джей — почти как Гэтсби, обаятельный и пылкий миллионер, обезумевший от любви. Я снова смотрю на мужчину передо мной — Джея — и решаю, что имя под стать его мальчишеской улыбке и лицу плейбоя.

— Получилось! — торжествует Джей.

ЛОЖЬ ЗА ЛОЖЬЮ

Он поднимает повыше микроскопическую черную крупинку — предположительно, жало, — удерживая его большим и указательным пальцами.

— Вот так штучка!

Сначала он показывает жало маленькой девочке, потом мне.

— Отличная работа! — говорю я с улыбкой.

Он выглядит таким гордым, будто только что завоевал медаль на Олимпийских играх. Может, не золотую, но бронзовую, что тоже очень достойно.

Когда он улыбается в ответ, я чувствую, как легкий румянец заливает мне щеки. Такое чувство, будто мы одержали эту победу вместе, что он сейчас протянет руку и обнимет меня, как товарища по команде.

— Ну что, лучше? — спрашивает он дочь.

Та кивает и перестает шмыгать носом. Он протягивает руку и большим пальцем вытирает ее мокрые щеки, поправляет шелковую челку. Я замечаю, что на руке у него нет обручального кольца.

— Когда вернетесь домой, приложите лед, чтобы снять отек, — говорю я, поднимаясь на ноги. — И дайте антигистаминное, полтаблетки. Поможет от зуда.

— Огромное спасибо! Скажешь «спасибо», Харпер? — поворачивается к дочери Джей. — Скажи: «Спасибо, мисс...»

Он замолкает и смотрит на меня в ожидании.

— Кейтлин, — говорю я.

Еще одна ложь. Я даже не понимаю, откуда это взялось. Я когда-нибудь в жизни встречала кого-то по имени Кейтлин? Ну, может, бывало. Кажется, в детстве я ходила на балет с какой-то Кейтлин. Или Карли? Мы

занимались в одной группе в культурном центре, но на этом сходство между нами заканчивалось. У нее были длинные, до талии, волосы, заплетенные в красивую косу вдоль спины с блестящими заколками, и новенькие балетки из сияющего розового атласа. Я же танцевала в старых носках. Она — как бы ее ни звали — была солисткой на всех выступлениях. А я исполняла роль феи Драже номер шесть.

Укушенную пчелой девочку звали Харпер — имя вычурное, но милое, именно такое ожидаешь услышать в подобном районе. У нее тоже одна блестящая косичка и аккуратная челка.

Может, поэтому мне пришло в голову «Кейтлин»: Харпер напомнила мне ту девочку из детства.

— Спасибо, мисс Кейтлин, — послушно повторяет Харпер.

— Не за что, Харпер, — говорю я. — Надеюсь, твоя ножка скоро заживет.

Девочка неуверенно улыбается, глядя на меня большими карими глазами. Потом снова смотрит на папу.

— Можно я дострою замок?

Джей с улыбкой кивает, и Харпер соскальзывает со скамейки к разбросанным по земле формочкам для песка.

Он поворачивается ко мне.

— Кстати, я Джей, — говорит он, вставая и протягивая руку.

Он выше, чем я ожидала, — под метр девяносто.

— Рада знакомству, Джей, — отвечаю я.

Когда мы пожимаем друг другу руки, между нами пробегает ток. По крайней мере, так ощущается. Он

мог не представляться, но представился. Это что-то да значит.

После паузы он говорит:

— Все лгут, верно?

У меня перехватывает дыхание, даже сердце перестает биться.

— Что? — выдыхаю я. *Как он догадался?..*

Джей улыбается, после чего указывает на мою руку. В ней до сих пор книга — та самая, которую я читала, когда услышала плач Харпер. Даже пальцы все еще зажаты между страницами, на которых я остановилась. Это зачитанное «Убийство в „Восточном экспрессе“» в мягкой обложке. Края книги загнулись, истрепались от времени.

— Простите. — Он виновато морщится. — Не спойлерил? Показалось, что вы ее уже читали. И я решил...

— Ха, — издаю я слабый смешок, с облегчением выдыхая. — Да, раз десять, наверное. А вы?

Джей кивает.

— Мне нравятся детективы про Эркюля Пуаро. Рождители подарили мне всю серию на двенадцатый день рождения. Я всегда пытался найти разгадку раньше Пуаро, но ни разу не смог. — Он сокрушенно качает головой.

Я смеюсь.

— У Агаты Кристи моя любимая книга — «И никого не стало». Концовка там... пух! Бомба! Я такого не ожидала.

— Не читал. Правда хорошая?

— Могу одолжить вам, — предлагаю я. — Вы часто сюда приходите? Я здесь бываю несколько раз в неделю.

Я задерживаю дыхание, чувствуя, как сильно забилося сердце. Наверное, я перегибаю палку. Такое у меня часто случается.

Вот вам правда: я не в первый раз встречаю их в парке. Я их видела здесь и раньше. Два раза на этой неделе. Я надеялась увидеть их снова и обрадовалась, когда они пришли сюда и сегодня. Плач Харпер действительно привлек мое внимание, но я *уже* наблюдала за ними, листая книгу; подглядывала каждые несколько страниц, как Харпер бегают по детской площадке и качается на качелях.

В первый день — во вторник — я заметила Джея раньше, чем его дочь. Как, думаю, и большинство женщин в парке. Не только потому, что тут вообще мало мужчин, но и потому, что выглядел он так, будто прямо сейчас должен сниматься в Лос-Анджелесе, а не гулять в детском городке в самом сердце Бруклина.

Я не соврала, когда сказала, что бываю здесь почти каждый день. Я выскальзываю с работы на дневной перерыв, так что знаю всех постоянных посетителей. Я вижу одних и тех же детей с одними и теми же нянями, одни и те же компании мам, болтающих на скамейках, пока визжащие отпрыски носятся по площадке. Мне нравятся парк, ощущение всеобщего счастья, залитые солнцем газоны и запах жимолости, окаймляющей периметр. Даже в холодные месяцы здесь полно закутанных по розовые щечки детей с родителями.

— Было бы здорово, — отвечает Джей на мое предложение, — но обычно Харпер приводит сюда жена. У меня выдался недельный отпуск, а вместе с ним и дежурство по прогулкам в парке. В понедельник снова на работу.

Когда он говорит «жена», внутри меня все опускается. Я чувствую себя еще глупее, чем и без того себя ощущаю. Что, думала, это начало романтической комедии, что ты Лив Тайлер в «Девушке из Джерси»? Я понимаю, что отсылка устарела, но какая женщина не фантазирует о том, как овдовевший Бен Аффлек, убитый горем и уязвимый, находит утешение в ее объятиях? О том, как маленькая девочка, оставшаяся без матери, с обожанием смотрит на них? Согласна, звучит мрачновато, но наверняка я не одна такая. Господи, или все-таки одна?..

— Я скажу ей, чтобы она поискала вас, когда будет здесь в следующий раз, — говорит Джей. — Похоже, это теперь любимый парк Харпер.

Я выдавливаю из себя широкую улыбку, будто мысль о встрече с его несомненно красивой женой переполняет меня безудержной радостью.

— Здорово, — говорю я как можно бодрее. — Обычно я тут примерно в одно и то же время. Постараюсь передать книгу через нее.

Какие еще нужны доказательства, что я некрасивая? Ни один женатый мужчина не рискнет поведать жене о шикарной одинокой женщине, с которой подружился в парке. Если только у него ай-кью не ниже функционального или он надеется, что его придушат во сне той же ночью. А Джей не производит впечатления ни идиота, ни самоубийцы.

Я не удивлена. Я понимаю, что не представляю угрозы для других женщин. Нос мой великоват, а челюсть вообще как у неандертальца. В хорошие дни я говорю себе, что выгляжу благородно, как актрисы из черно-

белых фильмов, с выразительными чертами. Как Грета Гарбо, например, — если слегка притушить свет. Да и к тому же я за собой не слежу. Знаю, надо больше уделять времени внешности; я вовсе не обязана выглядеть такой замарашкой, как я сейчас.

Для начала я могла бы одеваться лучше. Но вместо этого годами ношу то, что удобно, то есть одежду, которую давно следовало бы сдать на благотворительность или просто выбросить: джинсы с высокой талией и дырками на коленях, фланелевые рубашки на пуговицах, растянутые мешковатые свитеры. Благодаря переменчивости моды это все могло бы даже выглядеть круто, если бы делалось намеренно — если бы не дополнялось потрепанными кроссовками, собранными в пучок недорасчесанными волосами и дешевыми очками в пластмассовой оправе. У меня есть линзы (и расческа), но по утрам я обычно опаздываю и выскальзываю за дверь полуодетая, с едва подгоревшим тостом во рту, так что у меня часто руки не доходят до линз (или расчески).

Дело не в том, что у меня нет одежды получше, — есть, конечно, — просто в последнее время отсутствует веская причина носить ее. Вместо кардиганов и брюк я ношу на работе медицинский костюм. Сиреневый, если быть совсем точной. Моя начальница, Лена, вручила его мне с гордой улыбкой в первый день работы. Оттенок она выбрала сама.

Я не медсестра, я мастер маникюра в небольшом спа-салоне, где делают маникюр и педикюр за семьдесят пять долларов, шугаринг и предлагают трехстраничное меню фирменных уходов за лицом. Медсестра или мастер маникюра — какая, в сущности, разница? Ах да,

вообще-то огромная. Пропасть между умением зафиксировать сломанную руку и починить сломанный акрил широка и бездонна.

В данный момент, помимо медицинского костюма, на мне уже упомянутые пластмассовые очки, пара золотых сережек-гвоздиков и цепочка-чокер, которую я нацепила, уже выходя из дома.

Я прикасаюсь к цепочке. Она попалаась мне в небольшом магазинчике, мимо которого я проходила по дороге с работы несколько недель назад. Я зашла просто так, не собираясь ничего покупать, но, идя мимо кассы, заметила, как поблескивает золото под стеклом. Продавщица предложила мне надеть цепочку на шею, чтобы проверить, подойдет ли она мне. Цепочка смотрелась идеально. Она была изящной, из небольших переплетающихся звеньев, у ключиц вплетена крошечная переливающаяся жемчужина. Я заплатила за украшение и вышла прямо в нем. Когда Наташа, моя коллега, увидела цепочку на следующий день, я сказала, что это семейная реликвия, которая досталась мне от бабушки.

Но — приготовьтесь удивиться — даже с сережками и чокером я выгляжу далеко не на «десяточку». Жена Джея, наверное, больше похожа на Лив Тайлер, чем я когда-либо буду похожа. Она настоящая Дэйзи для своего Гэтсби. Гибкая, с высокими скулами. С чувственными губами и волосами, спадающими на спину. Ни малейшего намека на завитки.

— Через пять минут пойдем, Харп.

Наклонившись, Джей касается макушки дочери. Та рассеянно кивает. Кажется, она уже забыла о пчелином

укусе и теперь беззаботно играет у наших ног, делая куличики из песка.

Я переминаюсь с ноги на ногу. Надо спешить — до конца обеда остается меньше десяти минут, — но Джей куда интереснее работы. К тому же он сказал «пять минут». Всего пять. Я успею на работу, если пойду быстро.

— Вы сказали, у вас недельный отпуск? — спрашиваю я вместо того, чтобы уходить.

Он кивает.

— Детский сад закрыли на весенние каникулы, так что я тоже взял недельку, чтобы побыть с Харпер.

— А где вы работаете?

Вот еще одна моя дурная привычка — задавать слишком много вопросов. Наверное, и лгу я по той же причине: чтобы не допускать тишины и удерживать человека подольше.

Знаете, я же прекрасно понимаю, насколько это жалко звучит. Просто у меня очень скучная работа. И жизнь тоже. Пресная и унылая. Я готова на все, лишь бы украдкой заглянуть в чужую. А его жизнь кажется особенно интересной. Яркой, как в кино, — прямо глазам больно. Могу поспорить на что угодно, что я права.

— В прошлом году я основал компанию, мы разрабатываем онлайн-игры. Что, в общем-то, означает, что я тот еще задрот, — шутит Джей.

Он улыбается, и я замечаю ямочку на его правой щеке. А еще у него лучистые глаза.

Он не задрот. Даже не близко. И никогда им не был. Это видно с первого взгляда. Как я уже сказала, он высокий, очень высокий — метр девяносто, а то и все девяносто пять, — с темными волосами, которые он постоянно

ЛОЖЬ ЗА ЛОЖЬЮ

смахивает рукой с глаз. У него загорелая и гладкая кожа, сильная челюсть, чисто выбритый подбородок.

— Обалдеть! — говорю я. — Своя компания...

— Наверное, звучит круто, — пожимает плечами Джей. — Не так альтруистично, как карьера медсестры, но счета оплачивать позволяет.

Точно, я же медсестра! Я скромно улыбаюсь, будто заслуживаю его комплимент. Жаль, что это не так.

Джей бросает взгляд на телефон.

— Черт, нам пора. Я обещал, что Харпер будет дома к трем.

— Уже так поздно? — изображаю я удивление. — Ой, мне тоже пора. — Конечно, я о возвращении к моей настоящей работе, не к пациентам. — Приятно было познакомиться.

— Взаимно, Кейтлин. — Улыбка Джея заставляет поверить в его искренность, и у меня екает в животе. — Как и обещал, скажу жене, чтобы она вас поискала.

Я скалюсь во все зубы в ответ.

— Буду *очень* рада.

Я же лгунья, помните?

Харпер и Джей уходят из парка держась за руки, и их сцепленные ладони раскачиваются в такт шагу. Когда они достигают ворот, Джей оборачивается и в последний раз машет мне. Я машу в ответ, но жду, пока они не скроются из виду, прежде чем развернуться и уйти самой.

По дороге на работу до меня доходит: я решила, что он не женат, лишь потому, что он не носит обручальное кольцо. А правда, почему он без кольца?